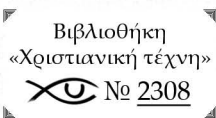

Федеральное агентство по культуре и кинематографии РФ
Государственный институт искусствознания

Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции

К 2000-летию христианства

Памяти
Ольги Ильиничны Подобедовой
(1912–1999)

Москва

 Северный
Паломник

2005

Редакционная коллегия:
Э.Н. Добрынина, Л.И. Лифшиц, М.А. Орлова (ответственный редактор),
Э.С. Смирнова, И.А. Стерлигова

Рецензенты:
А.Л. Баталов, М.А. Реформатская

Издание осуществлено при поддержке Президента Российской Федерации
(грант 2003 года № 596-рп)

Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию
В42 христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912—1999): Сб. статей / Отв. ред.
М.А. Орлова. — М.: Северный паломник, 2005. — 744 с.: илл.
ISBN 5-94431-162-2

Сборник научных статей подготовлен Отделом истории древнерусского искусства Государственного института искусствознания. Все его статьи в той или иной мере посвящены одной из наиболее актуальных и в то же время недостаточно разработанных тем - оценке важнейшего феномена двуединства: общности и оригинальности, т.е. с одной стороны — характеристике византийской традиции, имевшей огромное значение для сложения средневековой христианской культуры восточных и южных славян, Греции, и в более ранние времена Закавказья, с другой — рассмотрению вопроса об обратном процессе, а именно — о формировании местных особенностей в национальных регионах византийского мира и об их роли в общей эволюции византийской культуры. Это один из первых опытов всестороннего изучения данной темы в отечественном искусствознании. Постановка многих вопросов стала возможной именно в настоящее время в связи со множеством накопленных фактов, новых открытий и наблюдений. Эти вопросы рассматриваются на примерах разных видов искусства и архитектуры, дающих достаточно полное представление о путях развития художественной культуры отдельных регионов, локальных центров, являвшихся частью средневекового христианского мира. Авторами статей, помимо ведущих российских ученых, являются исследователи из Болгарии, Сербии, Греции, а также из Сирии и Франции. Материалы сборника представляют интерес как для специалистов в области средневекового искусства и архитектуры, так и для широкого круга читателей.

Иконы «Богоматерь Иерусалимская (Гефсиманская)» письма Кирилла Уланова¹

В художественном наследии изографов иконописной мастерской Оружейной палаты нередко прослеживается приверженность отдельных мастеров к определенной иконографии, к которой они неоднократно обращались на протяжении своей жизни. Так, для творчества Кирилла Уланова нет, пожалуй, более примечательной темы, чем образ Богоматери Иерусалимской (или Гефсиманской). Мастер известен как автор большого количества таких икон, причем некоторые из них почитались как чудотворные. Это последовательное иконографическое пристрастие вовсе не является исключительным. Так, Георгий Терентьев Зиновьев известен как автор многих икон Богоматери типа Иверской, написанных им в конце 1670-х гг.² Широко известно и пристрастие Симона Ушакова на протяжении всей его жизни к образам Спаса Нерукотворного, которое вполне объяснимо теоретическими взглядами иконописца и его реальными попытками вернуть иконе утраченное ею изначальное «живополобие».

Наиболее известным образом Богоматери Иерусалимской, написанным Кириллом Улановым, была икона Троицкого Кривозерского монастыря³. Прославившаяся в конце XVIII в. чудотворениями, она уже задолго до этого пользовалась большим почитанием у жителей города Юрьевца Повольского, близ которого находилась обитель. О том, как была создана эта икона, настоятелем Кривозерской пустыни, а затем соседнего Маркарьева Унженского монастыря Леонтием Павловым было написано особое сказание, текст которого известен по спискам второй половины XVIII в.⁴ Сведения автора сказания как современника событий вполне можно доверять, учитывая, конечно, особенности, присущие этому литературному жанру. Из текста сказания следует, что икона Богоматери Иерусалимской была заказана Кириллу Уланову в Москве юрьевцем жителем

по фамилии Кевалов как точная копия образа из Успенского собора в Московском Кремле, но написана она была уже в Кривозерской пустыни, куда бывший царский изограф удалился в 1709 г. и где принял постриг с именем Корнилий. Хотя временем написания иконы считается тот же 1709 г., освящена она была двумя годами позднее самим Леонтием, вернувшимся в родной город из Москвы, где он несколько лет прожил в Николо-Перервинском монастыре. Очень любопытно в этой истории желание Кевалова украсить монастырь в Юрьевце списком именно с кремлевской Иерусалимской иконы, свидетельствующее о большой популярности данного образа в те годы.

Эту популярность, равно как легенду и собственное новое название — «Гефсиманская» или «Иерусалимская» — кремлевский образ Богоматери приобрел после инициированных патриархом Адрианом работ по поновлению древних икон Успенского собора, проводившихся на рубеже XVII—XVIII вв. силами царских изографов Георгия Терентьева Зиновьева, Тихона Филатьева и Кирилла Уланова. Иконы, поновленные Улановым, на которых он оставил свой автограф, находятся в Успенском соборе и по сей день («Спас на престоле», «Спас царя Мануила (Златая Риза)» и «Дмитрий Солунский»). Чуть ранее им же был создан иконостас Похвальского придела собора. Хотя в имеющихся документах нет указаний на то, что образ Богоматери Иерусалимской поновлял Кирилл Уланов, имеется один вполне достоверный источник чуть более позднего времени, который позволяет говорить об этом вполне уверенно. Это «Сказание о действиях обращательных из раскола ко святой грекороссийского исповедания церкви чрез Питигирия игумена, иже послед бысть архиепископом нижегородским», составленное иеродиаконном Гурием и сохранившееся в рукописи третьей четверти XVIII в., которая про-

исходит из библиотеки Троицкого Белбажского монастыря Нижегородской епархии¹. В тексте «Сказания о действиях...» есть эпизод о том, что когда в 1726 г., уже будучи игуменом Корнилием, иконограф с братом Василием работал в этом монастыре, он сам рассказал историю о поновлении им в бытность иконографом Оружейной палаты иконы Богоматери Иерусалимской в московском Успенском соборе: «Сей игумен Корнилий добродетельно житие свое правяше и по старости уже, именяя, глаголаше же. Когда он графным своим мастерством служаше с прочими иконографы, и в палате иже положены имеются ветхия древняя иконы, иже виды изображения едва можно рассмотреть. Имея же он Корнилий охоту и разбирая тья иконы, которые из Херсона града пленом князь Владимир брал, и вроссию внесе: ивидя образ Богородичен именуемый Иеросалимстни, возжела его возобновити о том попросивши да поволен будет возобновити о чем изволен бысть. Очищая же в возобновлению младенца наруку имеющаго Богородична образа смотря благословенную руку юже зачерненную вапами и невозможено ясно сложение перстов видети, понудили до самых начертантис итесати. И виде самые тые древние черты руки младенца — положенный первый перст на четвертый. Пятый же розставлен прямо. Второй же указательный перст прямо стояя, третий же средний перст мало приклонен. По тем чертам пообычаю и вапы налагаше. И возобновлена сия святая Богородица на руку имущая младенца Иисуса Христа икона яже ныне стоит царствующаго града Москвы в соборной Успенния пресвятыя Богородицы церкви»⁶. Несмотря на то, что провинциальный автор «Сказания о действиях...» допускает некоторые очевидные фактические неточности в изложении этой истории, вряд ли стоит сомневаться в главном: именно Кирилл Уланов поновил древнюю икону. И, таким образом, становится вполне понятной его последующая приверженность к репликам с нее, во многом поощряемая заказчиками. Можно привести ряд примеров такой практики, когда после поновления каким-либо иконописцем древней чудотворной иконы он начинал специализироваться на точных списках с нее⁷. Сам факт причастности к святыне поднимал статус иконописца в глазах заказчиков, жаждавших получить наиболее «правильный» ее список.

До поновительских работ рубежа XVII—XVIII вв. кремлевская икона Богоматери не имела собственного названия. Наиболее ранние источники, где оно зафиксировано, в первую оче-

редь, соборная опись 1709 г.⁸, именуют икону «Корсунской» или «Гефсиманской» (по легенде, она была написана в Иерусалиме в Гефсимании). Однако и название «Иерусалимская», закрепившееся за данной иконографией, появляется тогда же. В частности, созданная Улановым в 1709 г. для Кривоозерского монастыря икона была названа автором именно «Иерусалимской»: на ней имелась подробная надпись о том, что образ списан с кремлевской чудотворной Иерусалимской иконы. «Иерусалимскими» названы как кремлевская, так и юрьевецкая иконы в упоминавшемся сказании Леонтия Павлова. Таким образом, названия «Иерусалимская» и «Гефсиманская» являются синонимами, равно употреблявшимися относительно данной иконографии уже с самого начала XVIII в.

Икона, находившаяся в Успенском соборе до своего исчезновения в 1812 г., имела большие размеры, как позволяют судить многочисленные сохранившиеся мерные списки с нее (примерно 210 × 140 см). На полях находились дополнительные изображения: на боковых были представлены двенадцать апостолов в рост, на нижнем — четверо мучеников-воинов в поясном изводе. Очевидно, что подобного не могло быть на древней иконе, и включение их в иконографию надо связывать с поновлением Кирилла Уланова. Изображения апостолов появились на ней, безусловно, под влиянием образа Богоматери Иверской, исполненного на Афоне греком Ямвлихом Романовым и привезенным в Москву в 1648 г. При этом надо учесть, что фактически иконография Богоматери Иверской, которую Кондаков считал синонимом Грузинской, есть зеркальный перевод Иерусалимской. Что же касается святых воинов, то причина, по которой они были включены в состав дополнительных святых на иконе, не вполне ясна. Заметим, что их изображения встречаются среди других святых на древних серебряных окладах икон Богоматери Корсунской и апостолов Петра и Павла из новгородского Софийского собора⁹. Если древняя икона Богоматери из Успенского собора, поновленная Кириллом Улановым и получившая название «Иерусалимской», действительно была так называемой Корсунской иконой, вывезенной из Новгорода, то появление на ней изображений тех же святых воинов, что были на древнем окладе образа, могло быть вполне сознательным. На последующих списках с Иерусалимской иконы дополнительные изображения апостолов и воинов на полях, за редким исключением, также присутствовали, однако состав воинов мог меняться, а их число увеличиваться до пяти.

Опись Успенского собора 1701 г. впервые упоминает и имевшуюся на иконе надпись на двух языках — греческом и русском. Не может не бросаться в глаза, что именно этот довольно краткий текст, где излагалась версия о написании образа апостолом Лукой, принесением его в Новгород князем Владимиром и последующим переводом в Москву Иваном Грозным, стал основой для сказания о московской иконе Богоматери Иерусалимской. Его существующие литературные тексты имеют позднее происхождение — не ранее первой четверти XVIII в. Содержание их очень кратко и исчерпывается данными надписи на иконе. По-видимому, самым ранним из них является тот, что включен в сборник «Солнце Пресветлое» Семена Моховикова⁹. Примечательно, что сказание об Иерусалимской иконе помещено в этом сборнике первым, но еще более интересно указание на источник, откуда автор почерпнул приведенные сведения: «...со иконы той святяя сие списано. По поновлению писмом»¹¹. Таким образом, совершенно очевидно, что это сказание первоначально появилось в надписи на иконе, выполненной при ее поновлении на рубеже XVII—XVIII вв. Сложнее же самой легенды было, скорее всего, инициировано патриархом Адрианом, и отражает общую тенденцию того времени по созданию новых святынь с придуманной древней историей¹².

Всплеск популярности Иерусалимского образа, выразившийся в массовом репродуцировании списков с него, был, несомненно, вполне продуманной акцией, исходившей от патриарха. Обратим внимание также на тот факт, что Леонтий Павлов, автор сказания об иконе Богоматери Иерусалимской Кривоозерской, до своего возвращения в Юрьевец проживал в московском Николо-Перервинском монастыре, который в то время был фактической резиденцией патриарха Адриана. Не случайно, как описывается в сказании, он мечтал об украшении монастыря в родном городе именно Иерусалимской иконой, в точности повторяющей образ Богоматери из Успенского собора. По-видимому, и с Кириллом Улановым он познакомился еще в Москве, вполне вероятно, что Леонтий и был истинным заказчиком иконы для Кривоозерского монастыря, но в сказании деликатно умолчал об этом, прикрывшись именем некоего жителя Юрьевца.

Уже в начале XVIII столетия мерные списки с кремлевской иконы стали во множестве появляться в московских храмах. Показательно, что в ряде случаев они сразу же начинали пользоваться особым почитанием и даже считались чудотворными. Многие из них сохранились до наших

дней. Это образы из Покровского собора в Измайлово (ныне в церкви Рождества Богородицы в Измайлово)¹³, церкви Ильи Пророка в Черкизове¹⁴, подмосковного храма Покрова в селе Вешняки, Архангельского собора в Бронницах (ныне в церкви Св. Дмитрия Солунского в селе Малахово Раменского района)¹⁵. Не сохранились и известны только по упоминаниям в литературе иконы, находившиеся в московских церквях Вознесения за Серпуховскими воротами¹⁶, Св. Георгия на Всполье¹⁷, Троицы в Вишняках на Пятницкой улице¹⁸. В большинстве случаев для таких икон в храмах сразу устраивали особые приделы. К числу этих списков относится и тот образ, который занял место исчезнувшей в 1812 г. древней иконы из Успенского собора¹⁹.

Большинство списков с Иерусалимской иконы было сосредоточено в московских храмах, но некоторые в качестве вкладов посылались и в другие церкви, нередко довольно отдаленные от Москвы. По-видимому, таким чтимым списком, присланным из столицы, была икона Кербутовского Новомлинского монастыря на Украине, позднее переданная в Тамалеевский монастырь в Черниговской губернии²⁰.

Кирилл Уланов, очевидно, имел самое непосредственное отношение к созданию подобных икон. Его автограф имеется на большом образе Богоматери Гефсиманской 1704 г. из московской церкви Свв. Флора и Лавра на Зацепе²¹. В то же время, есть основания полагать, что этот храм не был местом изначального бытования образа. В литературе XIX в. такая икона в церкви Свв. Флора и Лавра не упоминается. На ее обороте имеется отметка о реставрации в 1922 г. в московских художественно-реставрационных мастерских. Возможно, на реставрированную икону поступила из другого храма, в связи с закрытием которого оказалась в церкви на Зацепе²².

Еще одна сохранившаяся подлинная Иерусалимская икона, созданная Улановым до отъезда в Поволжье, — образ 1706 г. из церкви Спаса Нерукотворного в роловой вотчине бояр Головиных селе Деленёво (с середины XIX в. — Спасо-Влахернский монастырь)²³. Сохранность ее живописи не очень хорошая: из-за сильной потери почти везде отсутствует верхний авторский слой, значительно утрачена золотая разделка одежд. Лучше сохранился лик Младенца — единственный фрагмент, позволяющий судить о первоначальном облике иконы и о манере письма ее автора. Уцелел в разобранном виде и первоначальный серебряный оклад иконы, который закрывал фон изображения и поля, где мастер поместил свой автограф.

Интересная особенность иконы из Деденёва — наличие вмонтированных в ее поля более двадцати ковчезцев с мошами различных святых и частицами реликвий²⁴, что позволяет предполагать особый характер этого образа. И, действительно, в прошлом икона эта почиталась как чудотворная²⁵. Она не является точным списком образа из Успенского собора: ее размеры значительно меньше (78,0 × 57,7 см), и она не имеет изображений апостолов и воинов на полях, поскольку туда вмонтированы мошевики и ковчезцы с реликвиями. Как это нередко бывало, икона из Деденёва имела собственную легенду о древнем происхождении — в старой литературе она считается образом «строгановского» письма²⁶. На ней, якобы, даже имелась надпись, что она «писана подражателем Рублева Строгановым»²⁷, впрочем, в настоящее время никаких следов такой надписи ни на самой иконе, ни на окладе не имеется. Поскольку поля иконы находились под окладом, то видеть авторскую подпись было совершенно невозможно, и она нигде не была упомянута.

В церкви Спаса Нерукотворного находилось много икон мастеров Оружейной палаты: Феодота Ухтомского, Алексея Квашнина и, конечно, Кирилла Уланова²⁸. Некогда значительное иконное собрание Головиных из Деденёва сохранилось до нашего времени далеко не полностью. Оно оказалось разбросанным по разным коллекциям²⁹, в ряде случаев памятники утратили свое происхождение. Из икон Кирилла Уланова, созданных для этого храма, уцелела, по-видимому, только икона Богоматери Гефсиманской.

Думается, что с именем этого мастера связана сильно утраченная икона Иерусалимской Богоматери из Бронниц, которая в XVIII—XIX вв. широко почиталась как чудотворная, особенно в южном Подмосковье³⁰. В XIX в. о ней было составлено особое сказание и выполнено довольно большое количество списков³¹. Из-за аварийного состояния памятника анализ стилистических особенностей живописи и выявление авторского почерка в нем практически невозможны. Но, учитывая, что в начале XVIII в., когда этот образ появился в Бронницах и был поставлен в особой часовне, здесь для иконостаса собора Архангела Михаила писали иконы Тихон Филатьев и Кирилл Уланов³², его можно с уверенностью отнести к творчеству Кирилла Уланова.

Сохранившиеся в действующих храмах иконы Богоматери Иерусалимской, созданные в начале XVIII в., в большинстве своем находятся под папьюсою и никогда не обследовались, что не исклю-

чает наличие на них скрытой пока авторской подписи. Весьма вероятно, что с Кириллом Улановым связаны иконы из Покровского собора в Измайлове, церкви Ильи Пророка в Черкизове и Покрова в Вешняках. Конечно, нет достаточных оснований отнести все без исключения московские иконы Иерусалимской Богоматери, созданные до отъезда Кирилла Уланова в Юрьевец, к его творчеству, но, очевидно, что в большинстве случаев это было бы справедливо.

Кроме Кирилла Уланова, имеются сведения о создании Иерусалимских икон иконописцами из его ближайшего окружения — родственниками, учениками и соседями-иконописцами, связанными с ним по своей профессиональной деятельности. Так, на сохранившейся иконе из московской церкви Св. Георгия на Восполе имелась надпись, из которой явствовало, что этот образ был написан в 1714 г. братом Кирилла Василием вместе с Алексеем Квашниным³³, учеником обоих братьев Улановых. Обращение Василия Уланова к этой иконографии не было единственным: в 1717 г. он вместе с Петром Хомяковым и двумя учениками написал аналогичную икону для Покровского монастыря в Угличе³⁴. При этом, очевидно, Василий пожинал славу своего брата — автора целого ряда мерных списков с прославленного чудотворного образа. Упомянутый Петр Хомяков, который жил в непосредственном соседстве с Василием Улановым в Гончарной слободе³⁵ и был, безусловно, тесно связан с ним по совместной работе, еще в 1708 г. самостоятельно написал уменьшенный список с кремлевской иконы для церкви царевича Димитрия «на крови» все в том же Угличе³⁶. Ученику Улановых Алексею Квашнину принадлежит маленький складень, происходящий из церкви Спаса Нерукотворного в Деденёве, где в среднике представлена Богоматерь Иерусалимская³⁷.

Определенное, хотя и опосредованное, отношение Кирилл Уланов имел к двум большим иконам Богоматери Иерусалимской 1709 г., находившимся в Переславле-Залесском и его округе. Первая происходит из Федоровского монастыря³⁸, куда была вложена, как предполагается, царевичем Алексеем Петровичем. Икона имеет авторскую подпись, но имя мастера утрачено, читается лишь фрагмент ИВАН. В связи с этим было высказано предположение, что автором образа был сын Кирилла Уланова Иван Уланов³⁹. Вторая икона, не сохранившаяся до наших дней, была вложена в 1709 г. в Николаевскую Солобинскую пустынь жителем московской Гончарной слободы Иваном Михайловым Носовым⁴⁰, который был торговым чело-

веком иконогом ряда в Москве и брал заказы из Оружейной палаты. Носов был жителем Гончарной слободы, то есть непосредственным соседом Кирилла и Василия Улановых⁴¹. В монастырском Синодике указано, что икона написана им же. Однако, учитывая весьма скромную деятельность Носова как поставщика небольших раздаточных икон, можно усомниться в том, что он самостоятельно мог написать столь серьезный и масштабный образ. Возможно, что к его созданию все же был привлечен кто-то из Улановых. В любом случае Иван Носов, конечно же, ориентировался на те списки с кремлевской иконы, которые выполнял его сосед и которые были ему хорошо известны.

После переселения в Кривоозерский монастырь Кирилл Уланов неоднократно писал иконы Богоматери Иерусалимской. По описаниям в литературе, помимо чудотворной, известно еще две подобные иконы, находившиеся в Кривоозерском монастыре. В 1709 г. им был написан небольшой келейный образ, в 1715 г. — большая икона, впоследствии использовавшаяся в качестве запасной к чудотворному образу. Но названными произведениями количество Иерусалимских икон, созданных Улановым в годы его жизни в монастыре, безусловно, не исчерпывается. В литературе упоминается чтимый образ Богоматери Иерусалимской, написанный им также в 1709 г. и находившийся в Спасо-Преображенском монастыре в Арзамасе⁴². Все перечисленные иконы, включая знаменитую чудотворную, не сохранились. Из не-

упомянутых в источниках, но реально существовавших, можно назвать икону из местного ряда иконостаса юрьевского Входеоерусалимского собора⁴³, находящуюся ныне в Богоявленской церкви в Юрьевце, авторская живопись которой скрыта сплошной масляной записью середины XX в. Реставрационные пробы показали, что она может быть датирована первыми десятилетиями XVIII в. и восходит к традиции Оружейной палаты⁴⁴. Вряд ли это работа самого Кирилла Уланова, поскольку к моменту освящения Входеоерусалимского собора (1733) его уже не было в живых, но связать икону с учениками иконографа вполне возможно⁴⁵.

Интерес к спискам с иконы Богоматери Иерусалимской прослеживается до середины XVIII в., особенно у тех мастеров, которые последовательно продолжали традиции царских иконографов. Среди них московский иконописец Егор Иванов Грек и калужанин Семен Фалеев. Первый написал, по крайней мере, два таких образа — для иконостаса Воскресенского собора в Черкасске, 1749 г., и для Николо-Гончарной церкви в Болхове⁴⁶. Вторым в 1740 г. была создана икона для верхнего храма церкви Св. Георгия за верхом в Калуге⁴⁷. В дальнейшем этот интерес затухает, а в XIX в. создание больших икон Богоматери Иерусалимской носило локальный характер и было связано с копированием не столько иконы из Успенского собора, сколько тех успешных прославившихся списков с нее, которые были выполнены в начале XVIII столетия и были связаны с именем Кирилла Уланова⁴⁸.

⁴¹ Статья написана в рамках работы по исследовательскому гранту РГНФ № 99-04-00664 «Художественная культура Юрьевца Повольского в первой половине XVIII века».

⁴² Известно, по крайней мере, четыре Иверские иконы письма Зиновы: из дворовой церкви Спаса Нерукотворного в Московском Кремле, написанная им с Сергеем Рожковым в 1677–1678 гг. (Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», инв. 1836), и созданные вместе с учеником Евфимием образы из церкви Иоанна Предтечи в Старо-Конюшенном переулке 1678 г. (филиал ГИМ «Новодевичий монастырь»), из неустановленного московского храма 1678 г. (ГМИР А-714-IV) и суздальского Ризоположенского монастыря 1670-х гг. (Суздальский историко-художественный музей, СМ-229).

⁴³ Икона не сохранилась, известна по фотографии (вопр.: *Воскресенский А. Дар небесного милосердия стране Костромской. Одесса, 1910*). О ней существует обширная дореволюционная литература местных костромских авторов (см. подробнее: *Корнеев Н.И. Кирилл Уланов в Повольск // Филевские чтения. М., 1993. Вып. III (далее — Корнеев, 1993). С. 54–65*).

⁴⁴ РНБ. Отдел рукописей. Ф. 359. Колобов 576.

⁴⁵ Нижегородский историко-архитектурный музей-заповедник. Отдел рукописей. ГОМ 24739.

⁴⁶ Там же. Л. 34.

⁴⁷ Так, поновивший в 1709 г. образ Богоматери Толгской ярославский иконописец костромского происхождения Иван Андреев до конца своей жизни создавал по множеству мерные списки с него. Точно так же костромич Василий Вошин специализировался на копиях образа Богоматери Федоровской, поновив ее в 1745 г.

⁴⁸ Русская историческая библиотека. СПб, 1876. Т. 3. С. 624–625.

⁴⁹ *Мивва Н.А., Филатов В.В.* Икона Петра и Павла новгородского Софийского собора // Из истории русского и западноевропейского искусства. М., 1960. С. 98.

⁵⁰ Научная библиотека МГУ. № 10536-22-71. Л. 24 об.—26. Другие тексты известны в составе аналогичных сборников, являющихся списками со сборника Моховиков, в частности, рукописи из библиотеки Софийского собора в Новгороде (РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1428. Л. 458 об.—459).

⁵¹ Там же. Л. 26.

⁵² Наиболее ярко эта тенденция проявилась у Семена Моховикова, который адаптировал к православной традиции целый ряд западных чтимых образов Богоматери, наделив их произвольной древней датой прославления и легендой, скомпилированной из разных источников или придуманной им самим (см.: *Кочетков И.И.* Свод чудотворных икон Богоматери на иконах и грамотах XVIII—XIX веков // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 1996. С. 404–417).

⁵³ См. о ней: *Боголюбовский Т.М.* Московские святые: Иерусалимская икона Божией Матери // Журнал Московской патриархии. 1945. № 3; *Филатов В.В.* Иерусалимская икона Божией Матери семидесяти годов XVII века в Измайлово // Искусство христианского мира. М., 1998. Вып. 2. С. 57–63. К сожалению, последняя статья изобилует фактическими ошибками.

⁵⁴ См. о ней: *Александров Г.* Черкизово // Журнал Московской патриархии. 1947. № 11. С. 49.

⁵⁵ См. о ней: *Тамский В.* Сказание о высокочтимой иконе Богоматери, Иерусалимския, что в г. Бронниц Московской губернии. М., 1915;

Добров И. Чудотворная икона Иерусалимской Богоматери в г. Бронницах Московской губернии. М., 1916.

¹⁰ [В.Н.] Москва с ее святынями и священными достопримечательностями. М., 1888. С. 115.

¹¹ *Святославский* И. Летопись московской Георгиевской церкви, что на Вольске. М., 1875 (далее — *Святославский*, 1875).

¹² *Исидор (Левитский)*. Путеводитель к святыне и священным достопримечательностям гор. Москвы и ее окрестности. М., 1896. С. 218.

¹³ Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Инв. Ж-265. См.: Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А.М. Лиадов. М., 2000. С.169—173.

¹⁴ См.: Гамалеевский Харлампиев монастырь // Церковные епархиальные ведомости. 1862. № 37. Прибавление. С. 853; Описание Гамалеевского Харлампиевского монастыря. Чернигов, 1873.

¹⁵ ГМИР. Инв. А-7122-IV.

¹⁶ Этим другим храмом могли быть соседние церкви Вознесения за Серпуховскими воротами или Троицы в Вешняках.

¹⁷ Дмитровский историко-художественный музей. Инв. 2035.

¹⁸ Ковчежки сохранились не полностью. Они были продублированы на окладе, причем надписи не всегда совпадают. На иконе имелись следующие реликвии: часть животворящего древа Креста Господня,

камень Горнего места, камень Иорданский, камень Иерусалимский «от вертепа мученического», а также мощи святых Григория Богослова, Иоанна Милостивого, Десятит Ростовского, Игнатия Ростовского, воина Меркурия, Авраамия Ростовского, Василия Амаисийского, Исаия Ростовского, Иоанна Златоуста, Федора Стратилата, Сергия Радонежского, ярославских князей Василия и Константина, Иакова Боровичского, Никола Столбеницкого.

¹⁹ См.: *Казанский П.* Село Новопасекое. Деление тож и родословная Головиных, владельцев оною. М., 1847 (далее — *Казанский*, 1847). С. 20—21, 85; Спасо-Влахернский общежительный монастырь. М., 1894. С. 22.

²⁰ *Казанский*, 1847.

²¹ Там же.

²² Многие упоминают у П. Казанского (*Казанский*, 1847) и Д.А. Ровинского (*Ровинский Д.А.* Обзорение иконописания в России до конца XVII века. СПб., 1903 (далее — *Ровинский*, 1903)).

²³ Хранятся в ГРМ, ЦМИАР и Дмитровском историко-художественном музее.

²⁴ В настоящее время находится в церкви Дмитрия Солунского в селе Малахово (Раменский район Московской области).

²⁵ Наиболее известен список, выполненный для Троицкого собора в Подольске. Сохранились также мерные списки в соборе Михаила Архангела в Бронницах (западный), Никольской церкви в Домодедове и др.

²⁶ Комплекс икон местного ряда иконостаса, некоторые из которых имеют автографы этих мастеров, хранятся в ЦМИАР. Подробнее о

Бронницких иконах см.: *Корнеева Н.И.* Иконы Кирилла Уланова и Тихона Филатова из Архангельского собора в Бронницах // Филевские чтения: Тез. конф. 16—19 мая 1995 года. М., 1995. С. 39—41.

²⁷ *Святославский*, 1875. С. 77.

²⁸ *Ровинский*, 1903. С. 166.

²⁹ Москва: Актовые книги XVIII столетия. М., 1895. С. 85. § 218.

³⁰ Удлицкий историко-художественный музей.

³¹ ГРМ. ДРЖ-317.

³² В настоящее время хранится в Переславль-Залесском государственном историко-художественном музее-заповеднике.

³³ Предполагается было высказано Л.Б. Сукиной в докладе «Икона крута изобразов Улановых из Федоровского монастыря в Переславль-Залесском», прочитанном на конференции «VII Филевские чтения» в ЦМИАР 20 декабря 2001 г.

³⁴ Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Владимир, 1906. Ч. 1. Монастыри. С. 343, 377. Сведения о докладе содержится в монастырском Синодике.

³⁵ Кирилл Уланов проживал на Большой Гончарной улице в приходе церкви Козьмы и Дамиана, Василий — в приходе церкви Успения в Гончарной слободе.

³⁶ См.: [В.В.] Церковно-исторические памятники Нижегородской епархии: Описание некоторых древних и благоучино честию святых крестов и икон // Нижегородские епархиальные ведомости. 1888. № 3. Часть неофициальная. С. 80.

³⁷ Иконы Богоматери Иерусалимской находились во многих храмах Юрьева. Промохождение данного образа установлено на основании совпадения размеров, указанных в описи Влодоуерусалимского собора XIX в. (Государственный архив Ивановской области).

³⁸ Пробные раскрытия сделаны в 1989 г. Ю.А. Кузнецовым.

³⁹ Как известно по документам монастырского архива, у Кирилла Уланова в Юрьеве было двое учеников — Алексей Городочников и Симеон (подробнее см.: *Корнеева*, 1993. С. 57).

⁴⁰ См. подробнее: *Кожашко Н.И.* О судьбе традиции иконописной мастерской Оружейной палаты в Новое время // Русское церковное искусство Нового времени. М., 2004. С. 64.

⁴¹ Воспр.: *Плюко В.Г.* Русская иконопись XVIII — начала XIX века на перекрестках культурных традиций // Русская поэзия икона от XVII до начала XIX столетия. М., 2002. С. 36.

⁴² Помимо упомянутых в примеч. 32 списков с Бронницкой иконы укажем на чтимую икону из Крестовоздвиженского монастыря в селе Лукино под Москвой, которая была списком с иконы из измайловского Покровского собора (см.: *Фряганов В.Н.* Крестовоздвиженский Иерусалимский женский монастырь / Московской губ., Подольского уезда // М., 6 с. С. 25, 36; *Введенский Д.* Крестовоздвиженская Иерусалимская обитель. М., 1903).

Natalia Komashko (Moscow)

Icons of «Our Lady of Jerusalem (Gethsemane)» in the Painting of Kirill Ulanov

In the late 17th and early 18th century one often finds Armoury icon painters specialising in certain iconographies. The article examines all aspects of Kirill Ulanov's interest in the iconography of Our Lady of Jerusalem and the reasons behind it. In 1701 the master renovated the ancient icon of Our Lady Hodegetria in the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin, which was known as Our Lady of Jerusalem or Gethsemane and was widely venerated as miraculous. He later made a large number of copies,

which were often the same size as the original. Many of these copies also became venerated in their own right, in particular the icon from the Trinity Krivoyezersk monastery near the town of Yuriyevs-on-the-Volga, where the master spent his last years. Artists from Kirill Ulanov's circle, his brother Vasily and pupils, produced similar images at different times. The article provides full information concerning all known icons of Our Lady of Jerusalem painted by Kirill Ulanov and his circle, and also traces the links between them.